

Они шли быстро, и, пройдя большую часть дня, увидели на земле выброшенные масляные бумажки от сухпайков, а неподалёку, в лесу, запахло мочой и калом. Растущие у дороги сорняки были частично объедены лошадьми, а под большими деревьями вдоль пути — сплошные следы копыт.

Очевидно, те, кто очищал торговый путь, здесь останавливались на привал.

Место было вонючее, Лун Чи и Ван Эргоу ускорили шаг, чтобы поскорее миновать его.

Пройдя чуть дальше, они увидели тропу, уходящую в горы. Узкая, не шире козьей тропки, почти полностью заросшая бурьяном. Если бы не чуть примятная трава и следы ног, разглядеть её было бы трудно.

На развилке висела деревянная табличка: «Деревня Хуцзя».

Ясно, что тропа вела в горную деревню, но то ли жители там носили фамилию Ху, то ли почитали лису как домашнего духа-хранителя — оставалось неизвестным.

Лун Чи и Ван Эргоу лишь мельком глянули на табличку и двинулись дальше. Подобные указатели попадались раз в полдня ходьбы — место и впрямь было глухое, малолюдное.

Постепенно смеркалось.

Лун Чи не устала, но Ван Эргоу требовался отдых.

Они были в дороге, да и полмесяца жили в хижине за городком, поэтому снаряжение для ночлега на природе было полным: и от змей, грызунов, насекомых, и от холода.

Хотя по пути они никого не встретили, кто знает, не появится ли кто ночью, потому они нашли место для привала в стороне от дороги.

Лун Чи думала, что спать в выкопанной яме на природе не лучшая идея, но кровати тут не было, а спать просто на земле было невыносимо неудобно. Поэтому она снова выкопала яму и устроилась в ней.

Ван Эргоу, видя, что Лун Чи не может уснуть, не зарывшись в яму, заподозрил, не была ли она в прошлой жизни не погребённым покойником. Однако мысль эта была обидной, так что он просто отогнал её. Натянув на себя шерстяное одеяло, он прислонился к большому камню и тут же провалился в сон.

Ночью Лун Чи, спавшая в полудрёме, вдруг почувствовала, как поднялся ветер, и одновременно нахлынула густая иньская ци.

Насторожившись, она открыла глаза, выбралась из ямы, правой рукой выхватила меч за спиной, левой быстро засыпала свою спальную яму и устремила взгляд на Тропу Блуждающих Душ, откуда стелилась иньская ци.

На Тропе Блуждающих Душ густой иньский туман катился волной; в тумане ржали кони, трепетали знамёна, лязгали доспехи — словно мчался тяжёлый конный отряд. Впереди этого отряда бежали те, кто шёл очищать торговый путь. От почти тысячного внушительного войска, выступившего в поход, осталось чуть больше сотни; они изо всех сил мчались, используя лёгкость шага. Те, кто отставал, настигнутые иньской ци, вскрикивали и гибли.

Лун Чи ясно увидела, как Призрачный генерал с алебардой вырвался из иньского тумана и пронзил одного из бегущих. Кровь жертвы стекала по древку, плоть и кости быстро обращались в прах, развеиваемый иньским ветром. Генерал был облачён в латы, конь под ним также закован в тяжёлую броню, а глаза — кроваво-красные, без зрачков.

Призрачный генерал, казалось, почувствовал её взгляд и повернул голову в её сторону.

Лун Чи пригнулась, спрятавшись за деревом, и изо всех сил старалась скрыть свою энергию.

Однако она позабыла про зловещую ци, что скопилась на ней от множества убийств.

Даже прикрытая деревом, кроваво-красная зловещая аура всё же пробивалась наружу, её свирепое пламенное зарево было отчётливо видно.

Призрачный генерал мог видеть зловещую ци, но, видимо, эта аура была столь могущественна, что позволяла владельцу скрывать своё тело прямо у него на глазах, оставляя лишь зловещую ци как предупреждение.

Лун Чи почувствовала на себе взгляд — без сомнений, Призрачный генерал её обнаружил. Раньше она умела отлично прятаться: зароется в землю — и никто не найдёт. Непонятно было, как генерал её выследил.

Ладно, раз обнаружили — либо сражаться, либо бежать?

Пока она колебалась, Призрачный генерал уже пришпорил коня и вместе с призрачными воинами устремился в погоню за убегающей толпой.

Лун Чи мысленно удивилась: «И это всё?»

Тут же её задела несправедливость: «Разве я не человек? Почему они гонятся за ними, а не за мной?» Затем она сообразила, что, возможно, и вправду не человек, и с обречённым вздохом вернулась на место стоянки. Вернувшись, она увидела Ван Эргоу, спящего вразвалку, со слюной у рта, причмокивающего и бормочущего сквозь сон:

— Вкусно, ещё бы!

— Держись!

Там бьются насмерть, а он всё сны видит!

Впрочем, Ван Эргоу был не как все. Бодрствуя, он был полным жизненных сил молодым парнем, и всякий видел в нём здоровяка. Но стоило ему уснуть — и жизненная сила исчезала, от него начинало слегка веять призрачностью. Эта аура была жутковатой, словно внутри него был запечатан могущественный дух, имеющий как минимум тысячелетнюю практику.

Её наставник говорил, что за спиной Ван Эргоу с помощью тайного ритуала запечатали Духа-князя.

Младенца, в тело которого запечатали Духа-князя, а затем, положив в деревянную колоду, пустили вниз по реке — кто бы это ни сделал и зачем, оставалось загадкой.

Чего не мог понять её наставник, того и она понять не могла, так что решила не ломать голову, выкопала яму и снова заснула.

Она редко видела сны, но вскоре после того как уснула, ей привиделась седовласая старушка, которая ходила кругами и звала:

— Внучок мой, где же ты?

Старушка словно ослепла: хотя Лун Чи стояла прямо рядом, та её не видела и всё кричала в тумане:

— Внучок мой, где же ты?

Лицо старушки было в морщинах, выглядела она на семьдесят, если не на восемьдесят, но её наряд... был, мягко говоря, своеобразным.

Лун Чи никогда не думала, что будет критиковать чей-то внешний вид.

На старушке было ярко-зелёное платье — залезь она в траву, и не отыщешь. На голове — множество мелких пучочков, Лун Чи даже пересчитала — целых семь. В детстве ей тоже заплетали косички, но наставница делала один-два, максимум три пучка: на лбу и по бокам затылка. А у этой — семь пучков, и на каждом — ярко-красная бусина, похожая на женьшеневую жемчужину. Мало того, спереди на голове специально оставлено пустое место, отчего казалось, будто там плешь. Лун Чи подумала, что на этих пустых местах можно было бы сделать ещё два пучка — получилось бы девять, число полной полноты!

Одеяние старушки вызывало тревогу, но она искала внука, и на лице её читались беспокойство и тоска.

Лун Чи тоже стало не по себе. Потеря внука — горе для любой семьи.

Для такой пожилой женщины внук — самое дорогое, потерять его — всё равно что полжизни отдать.

Лун Чи допускала, что это мог быть горный дух или призрак, не упокоившийся из-за тоски по внуку, но аура старушки была ровной и мирной, не зловещей. Не выдержав, она сказала:

— Бабушка, не тревожьтесь, внук найдётся, не изводите себя.

Старушка тут же оживилась:

— Внучок, внучок мой, где ты? Бабушка слышит твой голос, откликнись, где ты, я за тобой приду, внучок, внучок...

Лун Чи, услышав, что старушка собирается её ударить, вздрогнула и тут же проснулась.

Она открыла глаза, с облегчением вздохнула и подумала: «Хорошо, что проснулась, а то бы прицепился навязчивый дух — ещё одна головная боль». Выбравшись из ямы, она осмотрелась.

Было ещё темно, видимость ограничена, но не критично.

Она долго вглядывалась, но ни могил, ни следов захоронений поблизости не обнаружила. Там, где зарыты покойники или водятся призраки, растения растут иначе — это сразу видно.

Тот факт, что она спала здесь и видела этот сон, означал, что старушка должна быть где-то рядом.

Если тело её здесь не погребено, значит, эта старушка невероятно могущественна, и сфера её влияния выходит за пределы того, что Лун Чи способна ощутить или разглядеть.

<http://bllate.org/book/15297/1351350>